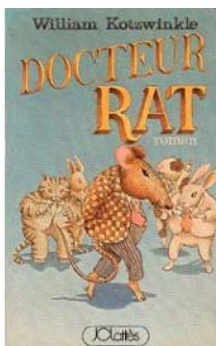
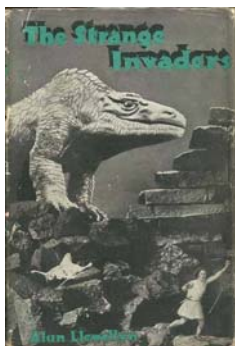
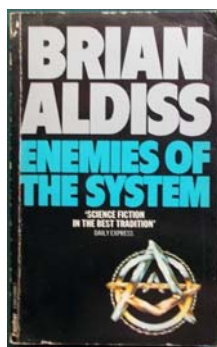
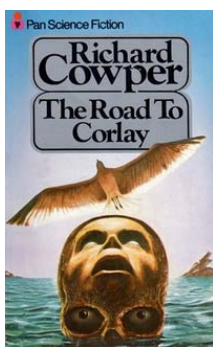

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Сад на Луне

Пьер Буль
Ричард Каупер
Брайан Олдисс
Алан Ллуэлин
Уильям Котцвинк

Pierre Boule. Le jardin de Kanashima. 1964
Перевод - О. Колесников, 2001

Richard Cowper. The Road to Corlay. 1978
Перевод - О. Колесников, 2004

Brian Aldiss. Enemies of the System. 1978
Перевод - Андреева Е., Странников В., 1996

Alun Llewellyn. The Strange Invaders. 1934
Перевод - О. Колесников, 1997

William Kotzwinkle. Doctor Rat. 1976
Перевод - О. Колесников, 2008

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 11.09.2016. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 40 экз. Зак. № .

Сад на Луне.

Сборник фантастических произведений. — М.: Международный центр фантастики, 2016. — 776 с.

Не предназначено для продажи.

Пьер Буль

САД НА ЛУНЕ

ПЕНЕМЮНДЕ

1

Штерн добрался до развалин безлюдного здания, разрушенного в результате серии неудачных испытаний, и с некоторым трудом пролез в некое подобие ниши, образованной рухнувшей кирпичной кладкой, отлично понимая, что в случае какого-либо происшествия эта преграда предоставит ему очень слабую защиту. Взгляд его тут же остановился на ракете, которая стояла всего ярдах в пятидесяти от него, ярко освещенная прожекторами, и на минуту он словно бы ослеп.

Знакомый пейзаж Пенемюнде с темными сосновыми лесами, начавший было принимать свои обычные очертания в свете раннего утра, куда-то исчез. Рабочие мастерские, сборочный цех, испытательные стенды, бункер, где обычно дожидались окончания стартового отсчета, все перестало существовать для него. В его зрительном ощущении и в сознании осталась только черно-белая ракета в зареве прожекторов, гигантский и в то же время вполне изящный силуэт, чей столь чудесно заостренный нос прорезал небо, словно церковный шпиль. Долгие недели его работы над множеством деталей этой необычной ракеты, работы, перераставшей в бесконечную проверку множества хрупких узлов, весь процесс в целом, казалось, ускользнул от него. Теперь же, будто сбитый с толку кошмарным призраком, с нервами, взвинченными до предела из-за напряженного труда последних месяцев, он никак не мог унять дрожь, охватившую его с головы до ног.

Он заставил себя прикрыть глаза и хотя бы отчасти восстановить самообладание, избавляясь от романтических образов, к которым чересчур тяготел персонал Пенемюнде, если речь шла о ракетах: игла, церковная колокольня, шпиль кафедрального собора. Вот как это получилось: воспитанный на строгих математических выкладках или вовлеченный в более прозаическую сферу жидких видов топлива, полезных нагрузок и мощностей, персонал Пенемюнде имел романтический склад ума. Но эти грубые аналогии не слишком устраивали Штерна. Для него ра-

кета была и мощностью, и движением. В этот миг она напоминала ему рыбу, фантастического лосося, готового нырнуть в окружающее пространство одним чудовищным прыжком.

В этот третий день октября 1942 года на рассвете, за пять минут до старта самой важной ракеты из всех, что когда-либо запускались в космос, доктор Штерн был единственным человеком на пусковой площадке Пенемюнде, кто не ушел в убежище. Инженеры, физики, бесчисленные специалисты, нужные для обслуживания новой ракеты, все были в центре управления, проверяли аппаратуру или наблюдали за изображением ракеты на телеэкране. Остальные, чье присутствие было необязательным, готовились наблюдать зрелище, но оставались более чем за полмили отсюда, на крышах домов, где жили.

Штерн стоял в пятидесяти ярдах от ракеты. Таково было его желание; он не подчинялся строгим порядкам базы и пренебрегал большинством правил безопасности. Предыдущие испытания этой модели закончились неудачей, и три из партии этих превосходных лососей завершили свой путь весьма позорно, в трех футах над поверхностью земли, под ужасные взрывы, которые попросту смели пусковую площадку вместе с их смертоносными останками.

— Эта должна достигнуть цели, — пробормотал он, сжимая кулаки. — Я устранил причину прошлых аварий. Виноват был неисправный насос.

Он предпринял этот благородный риск, риск, который, если его не разнесет на куски, должен был принести ему по меньшей мере строгий выговор от военного начальства Пенемюнде, не только из желания бросить вызов судьбе, но и из-за своей веры в успех этого дерзкого замысла — запустить ракету весом в тринадцать тонн (с тонной полезной нагрузки) на шестьдесят с лишним миль. И это, принимая во внимание, что сам генерал Шлодер выказывал ему особое расположение, и даже дружбу. Однако и он не мог позволить такое нарушение дисциплины даже знаменитому доктору Штерну, техническому директору базы, самой важной (несмотря на сравнительную молодость) особе в собранной здесь группе выдающихся ученых и инженеров.

Гордость Штерна была наследственной. Полностью осознавая, что внес самый большой, чем кто-либо еще, вклад в работы на базе Пенемюнде, он решил рискнуть жизнью на этом чрезвычайно важном для будущего базы испытании, которое было кульминацией многолетних упорных попыток. Он не питал никаких иллюзий, не больше, чем генерал Шлодер: очередной провал испытаний приведет к сокращению финансирования исследований (уже и так недостаточного) и, возможно, к полному прекращению

щению строительства больших ракет. Базу в Пенемюнде преобразуют в полигон для обычных вооружений, как уже не раз требовали определенные инстанции.

Время старта приближалось. Штерн взглянул на свой хронометр, неожиданно вздрогнул и сердито нахмурился, обнаружив, что за две минуты до пуска оказался (вопреки своей уверенности) не один в этом разрушенном здании. Поглощенный собственными видениями и мечтами, он не заметил фигуру, почти припавшую к земле в самом центре нагромождения камней и бетона, фигуру, выдавшую свое присутствие скользким движением по кирпичной кладке.

Его первым порывом было обругать непрошеного гостя. То, что он, доктор Штерн, осмелился нарушить дисциплину, объяснялось личными причинами, но только он один имел на это право. Более того, присутствие постороннего нарушало его почти религиозные размышления. Он уже собрался доставить себе удовольствие и наслаждаться приступом раздражения, которые среди персонала Пенемюнде были почти также знамениты, как и его гениальность и рвение исследователя, но вдруг над кучей камней появилась голова, и он узнал прямые волосы и темные глаза Нади, своей ассистентки и правой руки.

Гнев его тут же испарился. Пожалуй, она единственная никогда не попадалась ему под горячую руку.

— Ты с ума сошла, — только и сказал он. — А вдруг что-нибудь случится...

— Не случится.

— Топливный насос...

— Теперь насос работает превосходно.

До пуска оставалась одна минута. Времени на технические дискуссии не было. Отправиться в убежище она не успевала. Он жестом приказал ей распластаться на земле, и она послушалась, хотя приподняла голову над обломками бетона, подставляя таким образом под удар лоб и темные, непривычно округлившиеся глаза, которые все романтики в Пенемюнде называли «вызовом безграничности пространства». Он едва заметно пожал плечами, и вернулся к своим наблюдениям.

Десять секунд до старта. Все еще неподвижная ракета совершенно неожиданно становится центром сильнеешего потрясения. Густое облако, выброшенное из среза форсунки, отразилось от бетона, а снопы искр образовали как бы гигантский костер, больше напоминавший фейерверки, которые можно наблюдать в праздники у подножий некоторых памятников. Штерн по-

нял, что сработал первый переключатель управления. И тут же, немедленно, сработал второй — грохот и рев стали почти невыносимыми. Искры рванулись вперед непрерывным потоком пламени, их цвет менялся с каждой минутой. Согнутой рукой он как будто пытался задействовать третий переключатель.

Это был поистине решающий момент. Ракета вздрогнула, словно сомневаясь, и начала подниматься, так медленно, что создалось впечатление, будто на доли секунды она просто неподвижно зависла в воздухе. Презрев всякое благоразумие, Штерн и Надя вскочили на ноги. Непроизвольным и нелепым движением Штерн согнул руку, словно движение его мышц добавило бы несколько драгоценных толчков к двадцатипятитонному удару, необходимому для отрыва ракеты от Земли.

— Насос, топливный насос!.. — закричал он, будто существовал хоть малейший шанс, что его страстный призыв будет услышан в этом адском грохоте, заставлявшем трястись все окрестности Пенемюнде.

— Она отрывается! — закричала Надя.

Ракета поднималась. Она все быстрее взлетала, а за ней — сверкающее пламя, так что через несколько секунд их глаза могли различать лишь светящуюся змейку в нижних, все еще темных слоях атмосферы.

Но чуть позже сама ракета появилась вновь, достигнув освещенного солнцем пространства. Затем внезапно, как по волшебству, она сверкнула, прочертив небо над Пенемюнде, и изрыгаемое ею пламя затушевывал солнечный свет.

С момента ее пуска не прошло и двадцати секунд. У Штерна не было ни мгновения, чтобы подумать о простейших научных наблюдениях. Но не беда, он увидит фильм, который сейчас снимали другие. Слишком взбудораженный ощущением успеха, он мог только следить за полетом ракеты очарованными глазами художника. А когда хотел воспользоваться биноклем, висевшим у него на плече, это движение заставило его вскрикнуть. Штерн так напрягал руку, что ее свело судорогой.

— Иди сюда, помоги, — сказал он нетерпеливо. — Я не могу двинуть рукой.

— Я тоже вся дрожу, — заикаясь, проговорила Надя.

Ее голос звучал странно. Он взглянул на нее и увидел, что ее глаза полны слез. К тому времени, как он наконец-то смог воспользоваться биноклем, первая ракета «Фау-2» была уже всего навсего не приметной точкой в небе.

Генерал Шлодер нетерпеливо оглядывался по сторонам; Штерн так и не соизволил прийти на скромную вечеринку, устроенную, чтобы отпраздновать утренний успех.

Чем, черт дери, был так занят этот малый? Все остальные явились («мои коллеги», как выразительно он их называл) — основные ведущие кадры Пенемюнде: математики, физики, инженеры и руководители различных отраслевых отделов, связанных с конструированием ракет с жидкостными реактивными двигателями. После невыносимого труда, который завершился триумфальным запуском, они нуждались в неотложном отдыхе и теперь давали выход своей радости. Шлодер даже выставил свой особый запас шампанского, и атмосфера становилась все более живой и веселой. Оказалось, что некоторые из этих мужей науки выпили даже больше, чем следовало. Например, Мюллер. Но Мюллер всегда переходил границы приличий, работал ли он или праздновал очередной успех.

Что до самого Шлодера, то от утреннего успеха он словно стал на несколько лет моложе. Он чувствовал радостную легкость, такую же, как та, с которой «Фау-2» молнией унеслась в пространство. И даже если бы он не принимал столь активного участия в предприятии, ему все равно хватило бы ума, чтобы с самого начала поверить в важность всего сделанного. К счастью, он был чрезвычайно мудр и усмотрел возможность практического успеха в нескольких безумных проектах авторов, в большинстве своем имевших лишь минимальный научный опыт. В отличие от многих своих коллег его не приводили в смятение фантастические воздушные замки, строить которые не отказывался иногда даже сам Штерн. Он взял на себя громадную ответственность — на это были способны лишь немногие военные. Это он знал хорошо. Знал он также и другое: несколько властных фигур рейха, даже в ближайшем окружении фюрера, завидовали тому, что на создание чудо-оружия отпущены такие средства (увы, довольно скудные!), и ждали только его громкого провала, чтобы взять реванш.

После триумфа третьего октября атмосфера должна была измениться. Теперь никто не мог отрицать стратегическую важность больших ракет. Шлодер наверняка получит теперь высочайший статус проекта, который неверно информированный фюрер все еще отказывался предоставить Пенемюнде и без которого в Германии военных лет нельзя было сделать ничего путного. Присутствие среди гостей генерала фон Кратца, референта Шпеера из министерства вооружений, очень обнадеживало с

этой точки зрения. Появившийся в полдень фон Кратц настоял на посещении всех установок и, казалось, был очень приятно удивлен.

Однако энтузиазм Шлодера пригасило легкое разочарование: находясь все еще под впечатлением удачного старта «Фау-2» он приветствовал только что сошедшего с самолета фон Кратца, и тот, восторженно взмахнув руками, обнял Шлодера и воскликнул:

— Это великий день, Шлодер! Великая победа!

— Да, несомненно, великий, — ответил генерал, сияя улыбкой.

— Самое важное событие войны!

— Ну, я бы так не сказал, — с притворной скромностью запротестовал Шлодер.

— Да неужели вы не понимаете, что почти весь русский фронт вот-вот развалится! Вермахт уже на подступах к Сталинограду!

Они думали вообще о разных вещах! Потом, однако, Кратц тепло поздравил Шлодера... Теперь, смягченный шампанским, он, казалось, восторгался буквально всем. Пенемюнде получит высочайший статус.

Однако этот старый медведь Штерн, герой дня, не явился! Неужто он и в самом деле с присущим ему тупым упрямством досадует на выговор, который, он, Шлодер, как офицер, ответственный за организацию работ на Пенемюнде, был вынужден объявить ему? Этот безумец вихрем ворвался в укрытие, которого он, уж если на то пошло, вообще не должен был покидать, и начал возбужденно расспрашивать самых разных специалистов о результатах их наблюдений — да, именно тогда Шлодер и указал, что Штерн подает остальным дурной пример... Ох, но ведь чрезвычайно мягко и пересыпая слова осуждения комплиментами, которые польстили бы кому угодно! Шлодер не забыл, что сегодняшний успех был достигнут в основном благодаря работе Штерна, работе временами неупорядоченной, но всегда эффективной, и его всплескам гениальности, с которыми все всегда считались.

Штерн не сказал ни слова в свое оправдание. Да, он неразборчиво буркнул «извините», с надменным видом продолжая записывать цифры. А затем, не отрывая глаз от пачки листков с записями, прошествовал к выходу, сопровождаемый Надей, как тенью. Он лишь снизошел и появился еще раз в середине дня, чтобы показать представителю Шпеера состояние мастерских и площадок... Эта девица, Надя, не должна вот так просто выйти сухой из воды. На военной базе необходим определенный уровень дисциплины, черт возьми!

На этом месте своих размышлений генерал Шлодер не сумел удержаться от улыбки. Он отлично знал, что мышление работни-

ков на Пенемюнде очень специфично. В равной мере он осознал и то, что ему никогда не удастся сделать солдат из этой разношерстной толпы — техников, инженеров всех сортов, выходцев из университетов (молодых выпускников, а также еще не получивших диплом студентов), и даже исследователей, не имевших никакой квалификации, за исключением определенных способностей к изобретательству и увлечения ракетами, и отобранных Штерном среди его бывших друзей из Общества космических путешествий. Эти люди гораздо больше думали о Луне, чем о войне. А разве сам Штерн не был мечтателем? Тем не менее, благодаря ему ракета весом в тринадцать тонн поднялась в космос.

Улыбка Шлодера становилась все шире. Он размышлял о том, что ему хватило осмотрительности, чтобы не пытаться сделать из них солдат.

В Пенемюнде нужно сохранить этот незнакомый ему менталитет, способный создавать вот такие удивительные вещи. И он почувствовал себя еще помолодевшим.

Мимо него прошел Мюллер со стаканом, который он только что в очередной раз наполнил слегка дрожащей рукой.

— А ты не знаешь, где все-таки Штерн? — спросил Шлодер.

— Точно не знаю, господин генерал, но могу с уверенностью сказать следующее: он на Луне, вот где он, на Луне. Штерн всегда на Луне, господин генерал.

Шлодер только пожал плечами. Невозможно сегодня вечером добиться от этого чудаковатого парня чего-то вразумительного. Мюллер был еще одним, кто никогда не подчинялся дисциплине. Более того, временами он слишком много пил. Но он же время от времени выдвигал выдающиеся идеи и умел работать над тем, что его интересовало, по двенадцать часов в день месяца кряду... при условии, что сможет после этого валяться в постели целую неделю.

Тем временем генерал фон Кратц упорно пытался поймать взгляд Шлодера. Вне всяких сомнений, он ожидал торжественную речь, которую до его отъезда был обязан произнести командующий Пенемюнде. Тем хуже для Штерна. Шлодер поднял руку, требуя тишины. Его обращение явно было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление на высокого гостя и через его посредство — на Шпеера и фюрера.

— По счастливой случайности, — начал он, — прошедшее испытание совпало с вступлением нашего доблестного вермахта на окраины Сталинграда, с рассветом великой победы. Прежде всего я хочу приветствовать наши вооруженные силы, те силы, которым каждый из нас, собравшихся здесь, хочет помочь всеми силами.

Когда генерал фон Кратц одобрительно кивнул, Шлодер продолжил — в том же тоне, подчеркивая военное значение «Фау-2».

— Эта ракета может нести заряд весом в тонну. А это означает, что, как только она будет усовершенствована, закончена и передана для массового производства, у нас появится артиллерия, способная посылать снаряды на большие расстояния, создавая невиданную доселе огневую мощь...

Он закончил свою речь похвалами фюреру, который дал возможность проводить эти исследования в Пенемюнде; раздались одобрительные возгласы и аплодисменты, и фон Кратц тепло пожал ему руку, но, тем не менее, он с горечью осознавал, что его «коллеги» не были полностью удовлетворены. Они ожидали от него других слов — это было отчетливо заметно, — других слов, которые он, Шлодер, должен был непременно произнести, чувствуя внутреннюю потребность в них. Он достаточно хорошо понимал, что на самом деле для них значила «Фау-2»! Он знал их притязания, их желания. Он часто заходил очень далеко, становясь участником их разговоров, обсуждения планов. Но присутствие генерала фон Кратца мешало подобной снисходительности.

Фон Кратц же готовился к отъезду. Шлодер поехал вместе с ним в автомобиле, проводить его до аэродрома. В пути, несмотря на все попытки Шлодера перевести разговор прямо на высочайший статус финансирования, его собеседник опять заговорил о Сталинграде, продолжая смаковать перспективы этой победы. Однако перед самым отлетом он пообещал свою поддержку, с тем чтобы в Пенемюнде можно было продолжить работу и добиться очередных успехов.

— Это и впрямь огромное достижение... У Большой Берты в прошлой войне была дальность?..

— Дальность стрельбы составляла порядка ста километров, но выстреливаемый снаряд весил всего десять килограмм.

— А ваша ракета весит?..

— Тонну. При этом громоздкость Берты не позволяла быстро перемещать ее. Более того, массовое производство таких орудий было невозможно, в то время как наша «Фау-2»...

— Прекрасное достижение, я поддерживаю его, — попытался генерал, готовясь к отлету. — Не беспокойтесь, я доложу об этом в Берлине.

— «Прекрасное достижение!» Действительно, что ему еще оставалось думать об этом заявлении? — с некоторой грустью пробормотал себе под нос Шлодер, как только остался один.

Затем внезапно его охватила леденящая ярость при мысли о непростительном отсутствии Штерна, и он решил немедленно

СОДЕРЖАНИЕ

Пьер Буль. Сад на Луне	5
Ричард Каупер. На пути в Корли	225
Брайан Олдисс. Враги системы	362
Алан Ллуэлин. Странные захватчики	433
Уильям Котцинкл. Доктор Рэт	621